

Д.Я. Майдачевский

П.Б. Струве: от «исторической экономики» к «экономической истории»

В истории отечественной экономической истории Петру Бернгардовичу Струве (1870–1944) принадлежит особое место. И не только в силу создания им историко-экономических трудов, в момент их появления вызывавших бурную реакцию (как восторженную, так и критическую) со стороны сообщества историков и экономистов, будораживших научную мысль, заставлявших братья за перо, вырабатывать программы новых исследований. По сей день немного найдется в этом смысле конкурентов у цикла статей, посвященных крепостному хозяйству, впоследствии объединенных автором в книгу «Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв.» (М., 1913).

П.Б. Струве по праву может считаться основоположником целого направления историко-экономических исследований, в рамках которого на смену историческому описанию экономических явлений (история хозяйства) и «традиционному историзму» экономической науки (историческая школа в политической экономии) пришло экономическое объяснение исторических явлений — «оплодотворение истории политической экономией». Экономическая история, по его мысли, должна в полном объеме использовать аналитический инструментарий экономической науки, переосмысливая исторический материал, интерпретируя факты с помощью выработанных ею понятий и концепций. Экономическими историками могут выступать не только «историки, изучающие хозяйственный быт», но и экономисты, «истолковывающие историческую действительность». Освоившие ремесло историка, они с самого начала исследования подходят к исторической реальности как экономисты, формулирующие вопросы и осуществляющие сбор и обработку эмпирического исторического материала в соответствии с подходами, теориями, приемами и понятиями экономической науки.

Основы такого понимания предмета историко-экономической науки были изложены на страницах работы, по словам П.Б. Струве, выступившей «монографической разведкой», торящей путь «в области, где до сих пор все обобщения покоились на зыбком фундаменте мнимо-исторических идей»*. Опубликованная вскоре речь на диспуте, посвященном защите этой монографии в качестве магистерской диссертации, озаглавленная «Теория политической экономии и история хозяйственного быта», может считаться манифестом направления, единственного способного, по мысли автора, обеспечить самостоятельный статус дисциплине экономической истории. В отличие от истории хозяйства и исторической школы в политической экономии, использовавших «сознательно-исторические абстракции», «история хозяйственного быта как самостоятельная научная дисциплина есть обработка исторического материала о хозяйственной жизни при помощи систематических категорий политической экономии, которые сами вовсе не суть “исторические” понятия»**.

В отличие от «исторических экономистов», для которых история ставила пределы, оценивала научную «законность» их абстракций, препятствуя построению оторванных от исторической реальности «схоластических» понятий, экономический историк, по мнению П.Б. Струве, напротив, должен стремиться к последовательному использованию всех абстрактных теоретических понятий, выработанных экономической наукой. Высокая степень их абстрактности или «утопичности» выступает залогом научности создаваемой истории, поскольку исключает возможность «насилия теории над историей, идеально-типических понятий над реальным многообразием и многоцветностью действительности»***. Предпринимавшиеся (как правило, историками) попытки истолкования хозяйственных отношений

* Струве П. Хозяйство и цена. Критические исследования по теории и истории хозяйственной жизни. Ч. 1. СПб.; М., 1913. С. XXXV.

** Его же. Теория политической экономии и история хозяйственного быта. Речь на диспуте 10 ноября 1913 г. // Известия Санкт-Петербургского политехнического института. 1913. Т. 20. С. VI–VII. См. также: его же. Из лекций по истории хозяйственного быта // Там же. 1913. Т. 19. С. 196–198.

*** Его же. Теория политической экономии и история хозяйственного быта. С. VIII–IX.

прошедших эпох с помощью «абстрактных» понятий, и приводившие к модернизации этих отношений, оказались неудачными именно в силу их недостаточной абстрактности, заимствования их не столько из арсенала экономической теории, сколько из социологии или даже публицистики.

Весьма красноречив вывод, которым П.Б. Струве завершил изложение своего видения проблем экономической истории: «известные основные категории политической экономии конституируют, образуют самое понятие хозяйства и хозяйственной жизни»*. Он свидетельствует, что экономическая история обозначает границу предметной области историко-экономического знания во многом противоположную той, на которой расположилась «история хозяйства». В отличие от эмпирических описаний объекта — хозяйства, создаваемых последней, «экономическая история» является дисциплиной, для которой «хозяйство» из объекта науки становится предметом. Экономическая наука предлагает свое видение или понимание данного объекта, используя стандартный для этого времени аналитический инструментарий и понятийный аппарат. Промежуточное положение между ними занимает, соответственно, историческая школа в политической экономии с ее попытками построения исторических моделей, максимально к этой объективной исторической реальности приближенных, которые, однако, чаще использовались ею для упорядочения эмпирического материала.

* Струве П. Из лекций по истории хозяйственного быта. С. 198.